

УДК 433

РАСПРОСТРАНЕНИЕ СЕКТАНТСТВА В ВЕЛИКОРУССКОЙ ДЕРЕВНЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

© **Илья Сергеевич СВИРИДОВ**

аспирант, кафедра отечественной и всеобщей истории
Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского
398020, Российская Федерация, г. Липецк, ул. Ленина, 42
E-mail: ilya.sviridov.1992@mail.ru

Проанализированы причины распространения сектантства на рубеже XIX–XX веков. Цель заключается в выявлении причин распространения сектантства среди сельских тружеников. Рассмотрены взаимоотношения крестьянства и приходского духовенства (плата за требы, ведение церковной службы). Доказано, что внешняя сторона религии (обряды, традиции, ритуалы) являлась преобладающей в духовной жизни крестьян. Отношение сельских тружеников к священникам зависело от исполнения приходским духовенством своих церковных обязанностей. Поверхностное знание догматов веры и религиозная деятельность проповедников (например, В.А. Пашкова) способствовали религиозным размышлениям и поиску истины сельскими тружениками, что выражалось в иных трактовках христианского вероучения (сютаевцы). Выявлено, что влияние религиозно-философского учения Л.Н. Толстого не зависело от личной пропаганды писателя и было распространено в великорусской деревне незначительно. Рассмотрено взаимодействие православных крестьян и сектантов на примере двух общин Раненбургского уезда Рязанской губернии. Молокане своим образом жизни оказывали положительное влияние на своих православных односельчан. Одной из основных причин распространения сектантства выступали условия городской среды, которые формировали у православных землепашцев иные представления о религии (баптизм, молоканство, пашковцы). Изучено положение крестьян-сектантов в стране в начале XX века до и после издания Указа 17 апреля 1906 г., который уравнял в правах старообрядцев и сектантов с православными.

Ключевые слова: внешняя сторона православия; справедливость; сектантство; собственное вероучение; условия городской среды; уравнение в правах

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-2(166)-98-105

На всех этапах развития человеческой цивилизации религия была, есть и остается одним из важнейших факторов, влияющих на мировоззрение и образ жизни каждого верующего, а также на отношения в обществе в целом. В отечественной историографии общество и народ принято разделять: к первому относятся преимущественно образованные люди, состоящие на государственной службе, свободно-мыслящие интеллигенты и т. д.; ко второму – люди, занимающиеся преимущественно физическим трудом и составляющие, как правило, больший процент от всей ее численности. В дореволюционной России на рубеже XIX–XX веков государственной религией оставалось православие, которое исповедовало 69,9 % человек. Основную часть населения страны составляло крестьянство – 77,1 %.

В связи с возрастающей ролью религии в современной России является немаловажным при рассмотрении религиозных воззрений великорусского крестьянства на рубеже XIX–XX веков выяснить причины увлечения

сельских тружеников иными, отличными от православия идеями (старообрядчество и сектантство).

Необходимо отметить, что, по мнению Н.М. Никольского, с которым можно согласиться, «сектантство... было крестьянским делом; оно с самого начала углубилось в вопрос о *содержании веры* и только впоследствии стало создавать организацию, которая, однако, нигде не достигла формы церковной организации» [1, с. 243].

К изучению темы сектантства в дореволюционной историографии обращались В.П. Рябушинский [2] и В.Д. Бонч-Бруевич [3], собравшие немало фактического материала о старообрядцах и сектантах. В советской историографии вопрос о сектантстве рассматривался преимущественно с точки зрения классового подхода. Так, известный советский религиовед А.И. Клибанов дал подробную характеристику крестьянам-сектантам XIX века и организованным ими общинам, которые, согласно его мнению, создавались в целях борьбы сельских труже-

ников с помещичьим произволом [4]. В современной исторической науке внимание исследователей сосредоточено на поиске ответа на вопрос о характере православия. Например, В.Б. Безгин пишет, что «обучение в вере» шло не через усвоение христианских догм, а через овладение обрядом» [5].

Комплекс источников по исследуемой теме составили воспоминания крестьян, официальная статистика, мемуарная литература и периодика изучаемого времени. Особенно следует выделить труды А.С. Пругавина, который лично был знаком со многими крестьянами-сектантами [6–8].

К концу XIX века территорией, на которой землепашец познавал сущность религии, по-прежнему оставался приход. В приходе совершались, как правило, основные таинства церкви, за исполнение которых священник брал с прихожан плату (так называемая плата за требы). Известный врач Д.Н. Жбанков, анализируя санитарное состояние с. Большое Пронского уезда Рязанской губернии, посчитал, что «общий расход жителей села на одного сельского священника в год составляет 814 р. 42 к. В эту сумму входит не только плата за требы, но и хождение по дворам с образами, заговенье и пр. Из этой суммы каждый крестьянин платил за крещение около 1 руб., за брак – 7–9 руб. (вместе с угощением более 10 руб.), за похороны маленького – 40 коп., и большого – более 2 р. 30 к. и т. д.» [9, с. 20].

Кроме того, важную роль в быту сельского населения играли и такие явления церковной жизни, как соблюдение постов, благотворительная помощь нуждающемуся односельчанину, каждодневные молитвы, обращение к Богу с просьбой о заступничестве, раздача милостыни нищему и т. д. [10].

Споры о характере православия сельских тружеников, не умолкающие до сих пор, появились еще в исследованиях изучаемого времени. Обобщая мнения современников об этом, Н.Л. Петерсон писал, что «за внешнюю сторону религии он (крестьянин. – И. С.) держится крепко, не допуская от нее отступлений ни для себя, часто в ущерб своим интересам (например, считая грехом работать в пришедший на страдную пору праздник), ни для других...» [11, с. 10]. Его современник, англичанин М. Уоллес, побывавший в 1870–1875 гг. в центрально-российских гу-

берниях, отмечал, что «простой народ всюду и всегда склонен смотреть на религию как на ряд таинственных обрядов, имеющих сокровенную силу предупреждать бедствия в этой жизни и готовить блаженство в будущей жизни». «Они, – писал М. Уоллес о крестьянах, – совсем не знают религиозных доктрин и мало знакомы или почти не знакомы с Священным Писанием» [12, с. 75, 77].

О том же писал М.Н. Катков, ссылаясь на статью французского писателя и историка А. Леруа-Больё, изучавшего религиозность русского народа: «Плохо понимая богословские учения, мужик понимает учение и заповеди Христа; своим сердцем он чувствует дух этого учения. У него душа христианская. Из-под примеси суеверия и ржавчины сект просвечивает евангельское золото». Кроме этого, «одной из приманок, увлекающих русский народ в разные секты, бывает желание пострадать за истину, жажда гонений и мученичества» [13, с. 484].

О преобладающем значении внешней стороны православия над ее внутренней стороной или состоянием духа упоминал в своем докладе и священник Тихон Скворцов из Данковского уезда Рязанской губернии, прослуживший 26 лет в роли миссионера: «Истины православной веры народ знает смутно, поверхностно, далеко недостаточно, а в глухих деревнях – совсем незначительно. Со священными книгами нашей спасительной веры народ незнаком. А раз столь высокой цены своей православной веры народ не знает, то и легко ее может променять на веру сектантскую, лишь бы только нашелся самозванный проповедник» [14, с. 291]. Другой точки зрения, с которой можно согласиться, придерживался А.С. Пругавин, утверждая, что «Евангелие на русском языке проникло в очень многие глухие деревни и села, оно сделалось доступным мужику. Под влиянием чтения этого Евангелия мысль крестьянина всколыхнулась. Мало-помалу она начала работать над вопросами нравственного, религиозного и общественного характера...» [16, с. 246].

Одним из видных проповедников конца XIX века являлся отставной гвардии полковник В.А. Пашков, основавший движение евангельских христиан («пашковцев»). В.А. Пашков активно занимался филантропической деятельностью, организовал в 1876 г. «Об-

шество поощрения духовно-нравственного чтения», задача которого состояла в доставлении народу возможности приобретать на самом месте жительства книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета и сочинения духовно-нравственного содержания. По отзыву современника, «г. В.А. Пашков пользуется большою известностью среди нашего сектантского населения. Этому главным образом содействует рассылка им повсюду разных книжек, вроде «Любимых стихов» и т. п., затем публичность его бесед» [7, с. 261]. В связи с этим можно вспомнить мысль, прозвучавшую в сообщении православного миссионера о необходимости открытия в г. Данков церковной лавки для распространения среди великорусских крестьян религиозно-нравственных и христианско-просветительных книг [14; 15]. Однако стоит учитывать и тот факт, что миссионерская деятельность совершается, как правило, вне зависимости от состояния религии (возвышения или упадка) или количества верующих.

Кроме того, было еще одно обстоятельство, негативно влияющее на взаимоотношения сельских пастырей и их прихожан. Речь идет о ведении церковной службы священниками в начале XX века. «Все обязанности священника замыкаются в тесном формализме: он механически отслужит обедню, заутреню, молебен, панихиду, также механически исполнит требу, возьмет из рук в руки деньги и затем все пастырские обязанности служения окончены», – отмечал А.С. Пругавин [6, с. 67]. В подтверждение этого можно привести и мнение одного из представителей приходского духовенства Тамбовской и Шацкой епархии, прозвучавшее в отчете благочинному за 1907 г.: «Важный недостаток – это некоторая спешность и чтение псаломническое, когда пропускаются целые слова и предложения, что более относится к старым псаломщикам. На внушение священникам читать внятнее, раздельнее, вразумительнее, те обыкновенно ссылаются на привычку, на то, что у них, по их выражению, «язык перебит» [16, л. 148]. И это явление церковно-приходской жизни, признаваемое самими священнослужителями, вело к появлению в умах землепашцев недоверия по отношению к своим сельским пастырям.

Конечно, из среды сельских священников были и высокообразованные люди, кото-

рых крестьяне ценили и уважали. Однако, по мнению Т.Г. Леонтьевой, «пороки тех, кто пренебрегал своей пастырской репутацией и нарушал обязательные нормы поведения (попы-пьяницы, вымогатели), все чаще экстраполировались на все духовенство, что существенно понижало его статус в глазах крестьян» [17, с. 98].

Кроме того, главным для сельских тружеников всегда оставалось понятие о справедливости. Разделяя отношение к священникам и отношение к вере, крестьяне начинали самостоятельно размышлять о сущности религии. Такие размышления чаще всего являлись причиной оставления крестьянами православной веры и приводили к поиску чего-то нового, более истинного (но что более важно – по собственному мнению землепашцев), *справедливого!*

Ярким примером тому являются размышления крестьянина с. Шевелино Новоторжского уезда Тверской губернии В.К. Сютяева, приведшие его в 1873 г. к созданию собственного учения о вере. «В раскол его никто не совращал, но по случаю отказа священника крестить младенца сам крестил его. А после такого же отказа в похоронах сам похоронил свое дитя. От церкви отстал потому, что там стяжание, а не любовь», – резюмировал А.С. Пругавин [8, с. 7]. Основным принципом учения В.К. Сютяева выступала идея всеобщей любви и мира. В отличие от православных сютяевцы допускали семейные разводы («бабы в семействе не ругаются»), самостоятельно (без родителей) выбирали себе будущего супруга, выступали против судов («в судах правды почитай что совсем нет»), против торговли («надо, чтобы найму не было, надо сообща чтобы было»), против треб («нельзя покупать Божьего благословения»). Численность секты составляла около 1000 человек, хотя сочувствующих В.К. Сютяеву было намного больше. «Богу не молится и креста не несет, а хлеб – родится...», – рассуждали знающие Василия Кирилловича Сютяева землепашцы [8, с. 52].

Другим примером личных размышлений о сущности религии являются воззрения крестьянина деревни Щигровка Самарского уезда Самарской губернии Зосимы, прозванного крестьянами того же села «апостолом». По его мнению, «труд – главная основа жизни», «священников вовсе не должно сущест-

воватъ – каждый должен молиться за себя», «Бог вездесущ и не составляет чего-то особенного, отдельного от природы и видимого мира». Обобщая мнения односельчан о крестьянине-сектанте, А.С. Пругавин констатировал следующее: «Зосима – человек хороший, честный и добрый, прекрасный работник, много трудится, чем может, готов помочь, ни с кем не ссорится, – словом, человек высокой нравственности, *своих религиозных воззрений никому не навязывает*, если же завести с ним беседу о религии, то охотно вступает в разговор об этом» [6, с. 156-164].

Особенно ярко сектантство проявилось на территории Тамбовской епархии. Оно было представлено двумя разновидностями – рационалистическим (молоканство, штундобаптизм) и мистическим (скопчество, хлыстовство). Так, крестьянин-портной Семен Матвеевич Уклеин из с. Уварово Борисоглебского уезда стал основателем молоканства-уклеинства, распространившегося к концу XIX века в Воронежской, Тамбовской и Саратовской губерниях, а крестьянин Аввакум Копылов и крестьянка Черносивитова из с. Перевязова насадили в Кирсановском уезде хлыстовскую секту [18, с. 13].

Оказало влияние на великорусскую деревню и религиозно-философское учение Л.Н. Толстого, основные догматы которого содержались в произведениях «Исповедь» (1884) и «В чем моя вера?» (1884). Суть своих воззрений Л.Н. Толстой сводил к принципу «не противься злу насиліем», который он понимал следующим образом: «Не противься злomu – значит не противься злomu никогда, то есть никогда не делай насилия. И если тебя при этом обидят, то перенеси обиду и все-таки не делай насилия над другим» [19, с. 130]. Главными составляющими данного принципа были: отказ от воинской повинности, отказ от судебной практики (в судах. – *И. С.*) и неповиновение представителям верховной власти, если их действия противоречат нормам обычного права крестьянства, что не распространялось, однако, на взаимоотношения крестьян со своими выборными руководителями (сельскими старостами и волостными старшинами).

Виднейшими представителями толстовства на рубеже XIX–XX веков можно назвать двух грамотных сельских тружеников – крестьянина-самоучку Московской губернии

С.Т. Семенова и крестьянина Тульской губернии М.А. Новикова. В своем литературном произведении, описывая деревенские события начала XX века, С.Т. Семенов в то же время оценил отношение православных крестьян к своим односельчанам-сектантам, заметив, что «из церковных много чванных, распущенных, относившихся к староверам свысока, норовивших прижать их где-нибудь на міру, взвалить на них какую-нибудь неприятную им повинность» [20, с. 36]. Однако нельзя полностью согласиться с этим утверждением, поскольку ситуация в великорусской деревне была намного сложнее и запутаннее.

Можно привести яркий пример взаимодействия православных крестьян с сектантами. Так, две молоканские общины с. Жабино и с. Климово Раненбургского уезда Рязанской губернии, «отрицающие иконы», «почитающие Библию не более как сводом законов», «не пьющие вина и не курящие табака», одним словом, ведущие аскетический образ жизни, приглашали православных крестьян на свои богослужения, на которых проповедью старались заинтересовать православных идеями собственного вероучения. Кроме того, оказывал на православных земледельцев сильное влияние и сам образ жизни молоканского священника, который «ничего не требовал за отправление своих обязанностей, крестьянствовал наравне со всеми, а между тем, знал писание не хуже православного попа» [21, с. 45]. В связи с этим, по замечанию современника, исследовавшего взаимоотношения православных и сектантов, «многие православные втайне предпочитали молоканство православию» [21, с. 52]. Например, С.Т. Семенов писал о своем односельчанине следующее: «Тимофей Иванович был трезвый, очень развитой, зажиточный и отзывчивый на все человеческие нужды. Этим качеством он многих привлекал к себе. И только некоторых восстанавливало против него то, что он на сходах шел против пьянства, мироедства и был равнодушен к обрядам в религиозной жизни деревни. Он редко ходил в церковь и так же, как и я, ел по пятницам скоромное» [20, с. 171].

Помимо этого, одной из важных причин распространения сектантских идей среди крестьян являлось и влияние отхожих промыслов. Анализируя состояние православной

веры русского народа, в 1915 г. данковский миссионер писал: «Молодое поколение наших сел и деревень, побывав на заработках в наших столицах и городах, не говоря уже о шахтах, особенно растлевающих простой народ, вытеснило патриархальную простоту из тихой, скромной деревни и из столиц, этих очагов сектантства, бурными потоками направляется сектантство в наши села и деревни» [14, с. 355].

Соглашаясь с этим суждением, добавим, что действительно, многие крестьяне, побывавшие в городах, возвращаясь в деревню, несли совершенно иные религиозные идеи, в корне отличающиеся от устоявшихся сельских православных традиций. Так, в 1909 г. в с. Рязна Моршанского уезда Тамбовской губернии появилась секта пашковцев, которую основали возвратившиеся с заработков из Москвы крестьяне-отходники. Кроме того, среди молодежи с. Рождественские Подворки Тамбовского уезда распространилось толстовство, причиной появления которого стало возвращение в деревню отставного крестьянина Григория Толмачева с военной службы [22, с. 28-31]. То же отмечалось и видным исследователем церковного раскола во второй половине XIX века: «Сектанты, отправляясь в Петербург на заработки или по торговым делам, обыкновенно считают своею обязанностью побывать на проповеди В.А. Пашкова» [6, с. 261].

Численность сектантов в статистических отчетах была, как правило, представлена специальной графой, называвшейся «старообрядцы и уклоняющиеся от православия». К концу XIX века старообрядцев вместе с сектантами насчитывалось (подсчеты наши. – И. С.) в Тамбовской губернии – 0,6 %; в Рязанской – 1 %; в Орловской – 0,26 %; в Курской – 0,9 %; в Московской – 4,1 % [23–27].

Следует заметить и то, что до начала первой российской революции 1905–1907 гг. господствующей религией государства оставалось православие, «старообрядцам позволялось иметь у себя церкви и особенных священников, рукоположенных от Епархиального Архиерея», «раскольники не преследовались по вере, но им запрещалось совращать и склонять кого ни было в раскол свой под каким бы то ни было предлогом» [28, с. 208, 216]. Положение старообрядцев и сектантов изменилось с изданием Указа 17 ап-

реля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости». Согласно ст. 1 данного указа, «отпадение от православной веры в другое вероисповедание не подлежало преследованию». Ст. 4 уравнивала старообрядцев и сектантов в правах с православными, «разрешая инакомыслящим законно владеть движимым и недвижимым имуществом, свободно проводить богослужения и присвоить своим религиозным обществам наименование «общин» [29, с. 257-258].

Помимо этого, 17 октября 1906 г. был издан Указ «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин». В ст. 2 Указа утверждалось, что старообрядческой или сектантской общиной «почитается общество последователей одного и того же вероучения, имеющее целью удовлетворение религиозных, нравственных, просветительных и благотворительных потребностей его членов, собирающихся для общей молитвы в храме, молитвенном доме или ином предназначенном для сего помещения». Для образования общины старообрядцам и сектантам необходимо было подать письменное заявление в Губернское или Областное правление, подписанное не менее чем пятьюдесятью лицами (ст. 7) [30, с. 905-906, 910-911].

Приведем здесь и мнение современника, отозвавшегося на произошедшие изменения в церковной жизни государства: «Совершенно новый смысл в общественной и государственной жизни приобрело само понятие о православии: до сих пор оно означало совокупность верований, навсегда и, безусловно, обязательных для всех формально принадлежащих к господствующей церкви – теперь оно будет означать лишь совокупность верований, исповедуемых добровольно» [31, с. 433].

Таким образом, основными причинами восприятия великорусским крестьянством сектантских идей являлись поверхностное знание догматов православной веры, плата сельским пастырям за требы и условия городской среды. Но главной причиной распространения сектантства являлось несоответствие, согласно представлениям крестьян, многих православных традиций понятию крестьянской справедливости. Придание государственного статуса сектантским общинам в начале XX века только укрепило их позиции в стране.

Список литературы

1. *Никольский Н.М.* Раскол и сектантство во второй половине XIX века // История России в XIX веке. М., 1990.
2. *Рябушинский В.П.* Старообрядчество и русское религиозное чувство. М., 2010.
3. *Бонч-Бруевич В.Д.* Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола. Вып. 1. Спб., 1908.
4. *Клибанов А.И.* Народная социальная утопия в России. М., 1978.
5. *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Москва; Тамбов, 2004.
6. *Пругавин А.С.* Раскол сверху. Очерки религиозных исканий в привилегированной среде. Спб., 1909.
7. *Пругавин А.С.* Алчущие и жаждущие правды. Очерки современного сектантства // Русская мысль. 1882. Кн. 1. С. 255-289.
8. *Пругавин А.С.* Сютаяевцы // Религиозные отщепенцы. Очерки современного сектантства. М., 1906.
9. *Жбанков Д.Н.* Село Большое Пронского уезда Рязанской губернии. Опыт санитарного исследования. Спб., 1883.
10. *Столяров И.А.* Записки русского крестьянина // Записки очевидца: воспоминания, дневники, письма. М., 1989.
11. *Петерсон Н.Л.* Просвещение. Спб., 1904.
12. *Уоллес М.* Россия: пер. с англ.: в 2 т. Спб., 1880. Т. 1.
13. *Катков М.Н.* Два отзыва о русском народе // Имперское слово. М., 2002.
14. Доклад Данковского уездного миссионера священника Тихона Скворцова «о неотложной необходимости открытия в г. Данкове духовной книжной лавки для религиозно-нравственного просвещения народа» // Рязанские епархиальные ведомости. 1915. № 9. С. 290-295.
15. Доклад Данковского уездного миссионера священника Тихона Скворцова «о неотложной необходимости открытия в г. Данкове духовной книжной лавки для религиозно-нравственного просвещения народа» // Рязанские епархиальные ведомости. 1915. № 10. С. 349-358.
16. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 181. Оп. 1. Д. 2065.
17. *Леонтьева Т.Г.* Вера или свобода? Попы и либералы в глазах крестьян в начале XX века (на материалах Тверской губернии) // Революция и человек. Социально-психологический аспект. М., 1996. С. 92-114.
18. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911.
19. *Толстой Л.Н.* В чем моя вера? Л., 1991.
20. *Семенов С.Т.* Двадцать пять лет в деревне. Пг., 1915.
21. *Григорьев В.Н.* Молокане Раненбургского уезда // Русская мысль. 1884. Кн. 7. С. 40-58.
22. *Третьяков М.* Сектантство Тамбовской губернии. Спб., 1910.
23. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 42. Тамбовская губерния. Спб., 1904.
24. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 35. Рязанская губерния. Спб., 1903.
25. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 29. Орловская губерния. Спб., 1904.
26. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 20. Курская губерния. Спб., 1904.
27. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Московская губерния. Спб., 1904.
28. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / сост. П. Барсов. Спб., 1885. Т. 1.
29. Указ «Об укреплении начал веротерпимости» (17 апреля) // Полное собрание законов Российской империи. Спб., 1905. Т. 25. Ч. 1. С. 257-258.
30. Указ «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин» (17 октября 1906 г.) // Полное собрание законов Российской империи. Спб., 1909. Т. 26.
31. Из общественной хроники // Вестник Европы. 1908. Т. 3. Кн. 6.

References

1. Nikolskiy N.M. Raskol i sektantstvo vo vtoroy polovine XIX veka [Schism and sectarianism in the second half of XIX century]. *Istoriya Rossii v XIX veke* [History of Russia in XIX Century]. Moscow, 1990. (In Russian).
2. Ryabushinskiy V.P. *Staroobryadchestvo i russkoe religioznoe chuvstvo* [Old Belief and Russian Religious Feeling]. Moscow, 2010. (In Russian).
3. Bonch-Bruevich V.D. *Materialy k istorii i izucheniyu russkogo sektantstva i raskola. Vyp. 1* [Materials for the History and Russian Sectarianism and Schism Studying. Issue 1]. St. Petersburg, 1908. (In Russian).
4. Klibanov A.I. *Narodnaya sotsial'naya utopiya v Rossii* [People's Social Utopia in Russia]. Moscow, 1978. (In Russian).
5. Bezgin V.B. *Krest'yanskaya povsednevnost' (traditsii kontsa XIX – nachala XX veka)* [Peasant Daily Life (Traditions of the End of XIX –

- Beginning of XX Century)]. Moscow, Tambov, 2004. (In Russian).
6. Prugavin A.S. *Raskol vverkhu. Ocherki religioznykh iskanii v privileirovannoy srede* [Schism at the Top. Sketches of Religious Searching in the Privileged Community]. St. Petersburg, 1909. (In Russian).
 7. Prugavin A.S. *Alchushchie i zhazhdushchie pravdy. Ocherki sovremennogo sektantstva* [Those that hunger and thirst for truth. Notes of modern sectarianism]. *Russkaya mysl'* [Russian Thought], 1882, book 1, pp. 255-289. (In Russian).
 8. Prugavin A.S. *Syutaevtsy. [Syutaev's followers]. Religioznye otshchepentsy. Ocherki sovremennogo sektantstva.* [Religious Castoffs. Notes of Modern Sectarianism]. Moscow, 1906. (In Russian).
 9. Zhbakov D.N. *Selo Bol'shoe Pronskogo uезда Ryazanskoy gubernii. Opyt sanitarnogo issledovaniya* [Village Bolshoe Pronskiy District of the Ryazan Province. Experience of Sanitary Research]. St. Petersburg, 1883. (In Russian).
 10. Stolyarov I.A. *Zapiski russkogo krest'yanina* [Notes of Russian peasant]. *Zapiski ochevidtza: vospominaniya, dnevniki, pis'ma* [Notes of Eyewitness: Memories, Diaries, Letters]. Moscow, 1989. (In Russian).
 11. Peterson N.L. *Prosveshchenie* [Enlightenment]. St. Petersburg, 1904. (In Russian).
 12. Wallace M. *Rossiya* [Russia]. St. Petersburg, 1880, vol. 1. (In Russian).
 13. Katkov M.N. *Dva otzyva o russkom narode* [Two reviews about Russian people]. *Imperское slovo* [Imperial Word]. Moscow, 2002. (In Russian).
 14. *Doklad Dankovskogo uездного missionera svyashchennika Tikhona Skvortsova «o neotlozhnoy neobkhodimosti otkrytiya v g. Dankove dukhovnoy knizhnoy lavki dlya religiozno-nravstvennogo prosveshcheniya naroda»* [Report of Dankovskiy uезд missionary priest Tikhon Skvortsov "about urgent need to open spiritual bookstore for religious and moral education of people in Dankov"]. *Ryazanskie eparkhial'nye vedomosti* [Ryazan Eparchial News], 1915, no. 9, pp. 290-295. (In Russian).
 15. *Doklad Dankovskogo uездного missionera svyashchennika Tikhona Skvortsova «o neotlozhnoy neobkhodimosti otkrytiya v g. Dankove dukhovnoy knizhnoy lavki dlya religiozno-nravstvennogo prosveshcheniya naroda»* [Report of Dankovskiy uезд missionary priest Tikhon Skvortsov "about urgent need to open spiritual bookstore for religious and moral education of people in Dankov"]. *Ryazanskie eparkhial'nye vedomosti* [Ryazan Eparchial News], 1915, no. 10, pp. 349-358. (In Russian).
 16. The State Archive of Tambov Region, fund 181, list 1, file 2065. (In Russian).
 17. Leontyeva T.G. *Vera ili svoboda? Popy i liberaly v glazakh krest'yan v nachale XX veka (na materialakh Tverskoy gubernii)* [Belief or Freedom? Popes and liberals in the sight of peasants in the beginning XX century (based on materials Tver province)]. *Revolutsiya i chelovek. Sotsial'no-psikhologicheskii aspekt* [Revolution and Man. Sociological and Psychological Aspect]. Moscow, 1996, pp. 92-114. (In Russian).
 18. *Istoriko-statisticheskoe opisanie Tambovskoy eparkhii* [Historical and Statistical Description of Tambov Eparchy]. Tambov, 1911. (In Russian).
 19. Tolstoy L.N. *V chem moya vera* [What is My Belief?]. Leningrad, 1991. (In Russian).
 20. Semenov S.T. *Dvadsat' pyat' let v derevne* [Twenty Five Years in Village]. Petrograd, 1915. (In Russian).
 21. Grigoryev V.N. *Molokane Ranenburgskogo uезда* [Molokans in Ranenburgskiy uезд]. *Russkaya mysl'* [Russian Thought], 1884, book 7, pp. 40-58. (In Russian).
 22. Tretyakov M. *Sektantstvo Tambovskoy gubernii* [Sectarianism of Tambov Province]. St. Petersburg, 1910. (In Russian).
 23. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. T. 42. Tambovskaya Guberniya* [Russian Imperial Census of 1897. Vol. 42. Tambov Province]. St. Petersburg, 1904. (In Russian).
 24. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. T. 35. Ryazanskaya Guberniya* [Russian Imperial Census of 1897. Vol. 35. Ryazan Province]. St. Petersburg, 1903. (In Russian).
 25. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. T. 29. Orlovskaya Guberniya* [Russian Imperial Census of 1897. Vol. 29. Orlov Province]. St. Petersburg, 1904. (In Russian).
 26. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. T. 20. Kurskaya Guberniya* [Russian Imperial Census of 1897. Vol. 20. Kursk Province]. St. Petersburg, 1904. (In Russian).
 27. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. T. 24. Moskovskaya Guberniya* [Russian Imperial Census of 1897. Vol. 24 Moscow Province]. St. Petersburg, 1904. (In Russian).
 28. *Sbornik deystvuyushchikh i rukovodstvennykh tserkovnykh i tserkovno-grazhdanskikh postanovleniy po vedomstvu pravoslavnogo isповедaniya* [Digest of valid and guidance ecclesiastic and civil enactment]. P. Barsov (compiler). St. Petersburg, 1885, vol. 1. (In Russian).

29. Ukaz «Ob ukreplenii nachal veroterpimosti» (17 aprelya) [Decree “On strengthening religious tolerance basic principles” (April 17)]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1905, vol. 25, part 1, pp. 257-258. (In Russian).
30. Ukaz «O poryadke obrazovaniya i deystviya staroobryadcheskikh i sektantskikh obshchin» (17 oktyabrya 1906 g.) [Decree “On rules of formation and acting of Old Believer’s and sectarian’s communities” (October 17, 1906)]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1909, vol. 26. (In Russian).
31. Iz obshchestvennoy khroniki [From public chronicles]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1908, vol. 3, book 6. (In Russian).

Поступила в редакцию 26.01.2017 г.
Received 26 January 2017

UDC 433

PROPAGATION OF SECTARIANISM IN THE GREAT RUSSIAN VILLAGE ON THE CUSP OF XIX–XX CENTURIES

Ilya Sergeevich SVIRIDOV

Post-graduate Student, National and General History Department

Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shan

42 Lenin St., Lipetsk, Russian Federation, 398020

E-mail: ilya.sviridov.1992@mail.ru

The reasons for the propagation of sectarianism on the cusp of XIX–XX centuries are analyzed. The objective of this work is to identify the causes of the propagation of sectarianism among the rural workers. The relationship of the peasantry and parish clergy (fee for religious rites, maintenance of Church services) is considered. It is proved that the outer side of religion (rituals, traditions, rituals) was predominant in the spiritual life of peasants. The ratio of rural workers to the priests depended on the performance of the parish clergy of the Church duties. Superficial knowledge of the tenets of the faith and religious activities of preachers (for example, V.A. Pashkov) contributed to the religious thinking and truth-seeking rural workers, which was reflected in the different interpretations of the Christian faith (Staev’s followers). It is revealed that the influence of religious-philosophical teaching of L.N. Tolstoy did not depend on personal propaganda of writer, and was spread in the great village slightly. The interaction of Orthodox peasants and sectarians based on the example of two communities Ranenburgskaya district of the Ryazan province is considered. Molokans has had a positive impact on their Orthodox villagers because of their way of life. One of the main reasons for the propagation of sectarianism formed the conditions of the urban environment that shaped the Orthodox tillers of different ideas about religion (Baptists, Molokans, Pashkov’s followers). The position of peasant sectarians in the country at the beginning of the XX century “before” and “after” the publication of the decree of April 17, 1906, which equate the rights of old believers and sectarians with Orthodox is studied.

Key words: external side of Orthodoxy; justice; sectarianism; own creed; conditions of urban environment; equal rights

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-2(166)-98-105

Информация для цитирования:

Свиридов И.С. Распространение сектантства в великорусской деревне на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 2 (166). С. 98-105. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-2(166)-98-105.

Sviridov I.S. Rasprostranenie sektantstva v velikorusskoy derevne na rubezhe XIX–XX vv. [Propagation of sectarianism in the Great Russian village on the cusp of XIX–XX centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 2 (166), pp. 98-105. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-2(166)-98-105. (In Russian).